

Д. Л. Мордовцев

**Политические движения
русского народа**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М79

М79 **Мордовцев Д.Л.**
Политические движения русского народа: Том 1 / Д. Л. Мордовцев – М.:
Книга по Требованию, 2019. – 422 с.

ISBN 978-5-518-09745-2

Политические движения русского народа. Том I. Историческая Монография, Д. Л. Мордовцева.

Екатерининские деятели и пугачевцы.
Пугачевский полковник Иванов.
Кто был усмиритель пугачевщины.

Репринт с оригинального издания 1871 г.

ISBN 978-5-518-09745-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ АВТОРА.

«Политическія движенія русскаго народа», составляющія содержаніе двухъ настоящихъ томовъ, являются непосредственнымъ продолженіемъ того рода историческихъ моихъ монографій, которыя изданы были въ двухъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ «Самозванцевъ и понизовой вольницы.»

Въ настоящихъ очеркахъ, какъ и во всѣхъ доселѣ напечатанныхъ мною историческихъ монографіяхъ, прослѣдуются однѣ и тѣже цѣли, именно обнаруженіе тѣхъ массовыхъ и единичныхъ народныхъ движеній, въ которыхъ по возможности сказывалось участіе русскаго народа въ политическомъ и гражданскомъ ростѣ русскаго государства, участіе, то ускорявшее этотъ ростъ, какъ качанье молодого дерева вѣтромъ и бурями ускоряетъ ростъ этого дерева,

то, по законамъ историческаго рефлекса, замедлявшее этотъ ростъ на многіе годы и искривлявшее самый стволъ молодаго, гибкаго, но крѣпкаго и неподатливаго дерева.

Правда активное участіе русскаго народа, въ политической жизни своего великаго отечества, къ сожалѣнію, сказывалось большею частью явленіями скорбными, не рѣдко возмущающими человѣческое чувство историка, какъ это и обнаруживаетъ цѣлый рядъ моихъ историческихъ монографій о политическихъ самозванствахъ, о такихъ проявленіяхъ народнаго—позволяю себѣ такъ выразиться—темперамента, какъ массовыя преступленія и массовыя убійства, выразившіяся пугачевщиною, гайдамачиною, послѣдовательнымъ рядомъ возстаній, крестьянскихъ бунтовъ и разбоевъ понизовой вольницы какъ поволжской, такъ и поднѣпровской; но задача современнаго историка въ томъ именно и должна состоять, чтобы то, что повидимому ложится темнымъ пятномъ на память русскаго народа, было снято съ этой памяти разоблаченіемъ истинной причины и источника тѣхъ или другихъ скорбныхъ явленій и уясненіемъ той несомнѣнной истины, что не конечная деморализація народа двигала его на массовыя убійства и преступленія, а неудачно сложившійся строй общественной жизни, острия боли живаго государственнаго тѣла выдавливавшія или слезы, или крикъ, или судорожныя движенія въ страж-

душемъ организмъ. Эти проявленія народнаго духа доказали только еще болѣе осязательно, что и въ жизни государства, какъ и въ жизни отдѣльныхъ единицъ, нравственныя явленія подчиняются тѣмъ же законамъ тяготѣнїя, движенїя, роста и развитїя, какъ и въ мїрѣ физическомъ, и что въ исторїи, какъ и въ физикѣ, уголь отраженїя всегда ровень углу паденїя.

Подкрѣпляясь глубокимъ убѣжденїемъ въ несомнѣнной истинѣ вышесказаннаго, авторъ «Пугачевщины», «Гайдамачины» и прочихъ политическихъ самозванствъ и коллективныхъ преступленїй русскаго народа, въ нѣкоторые моменты своей политической жизни, противъ законовъ государственности и челоуѣчности отдалъ свои симпатїи и свой трудъ, какъ черно-рабочаго для будущей исторїи русскаго народа, исключительно этому народу и его историческимъ ошибкамъ и несчастїямъ, а не полководцамъ и не государственнымъ дѣятелямъ, которые уже внесены исторїею въ пантеонъ нашего историческаго прошлаго и ожидаютъ, чтобъ въ этомъ пантеонѣ стали съ нимъ рядомъ и потомки тѣхъ, кои хотя и запятнали свою память преступленїями противъ законовъ государственности и челоуѣчности, однако не лишили тѣмъ своихъ правнуковъ и праправнуковъ права благородно дѣйствовать нынѣ на пользу Россїи въ качествѣ гласныхъ въ земствѣ, въ качествѣ мировыхъ судей и присяжныхъ въ новомъ судѣ

и въ качествѣ полезныхъ дѣятелей въ литературѣ, на государственной службѣ и вообще вездѣ, гдѣ требуются знанія, умъ, честность и на добро направленная воля.

Петербургъ,

1 іюня, 1870 г.

ЕКАТЕРИНИНСКІЕ ДѢЯТЕЛИ И ПУГАЧЕВЦЫ.

I.

Чѣмъ болѣе вникаемъ мы въ мельчайшія подробности событія, глубоко поколебавшаго спокойствіе Россіи во второй половинѣ прошлаго вѣка и извѣстнаго подѣ именемъ Пугачевщины, тѣмъ непоколебимѣе становится убѣжденіе наше въ томъ, что событіе это вызвано было не какою-либо интригою, не махинаціею отдѣльныхъ личностей, недовольныхъ существовавшимъ порядкомъ вещей, не явленіемъ, наконецъ, Пугачева, а единственно лишь неотвратимостью закона историческаго возмездія. Что законъ историческаго возмездія, какъ и законъ исторической преемственности существуетъ— это неоспоримо. Какъ въ жизни отдѣльныхъ личностей, за отступленіе отъ непреложныхъ законовъ человѣческой правды и добра, за измѣну, какова бы ни была эта измѣна— измѣна ли своему призванію, своему слову, своему чувству, самому себѣ,—рано ли, поздно ли, личности эти наказываются и клеймятся, если не общественнымъ презрѣніемъ и отчужденіемъ, то внутреннимъ самопаденіемъ, такъ и въ кол-

лективной жизни государствъ за политическія и общественно-гражданскія преступленія предковъ исторія навазываетъ потомство, передавая какъ бы по наслѣдству политическіе долги отцовъ на отвѣтственность дѣтей. Это также несомнѣнно, какъ и то, что въ физической природѣ существуетъ наслѣдственность и преемственность видовъ, формъ, качествъ, какъ хорошихъ, такъ и порочныхъ, передаваемыхъ видовыми родичами своимъ видовымъ дѣтямъ и дальнѣйшему потомству. И чѣмъ крупнѣе политическія и гражданскія ошибки предковъ, чѣмъ болѣе ихъ безтактность шла въ разрѣзъ съ настоятельными требованіями правды и добра, съ общими симпатіями человѣчества и законами человѣческой чести, тѣмъ болѣе тяжести ложится на нравственную отвѣтственность послѣдующихъ поколѣній, и тѣмъ сомнительнѣе и медленнѣе вочеловѣченіе такихъ людей и такого народа, потому что исторія, какъ и нравственные законы, ничего не прощаетъ, никогда не забываетъ долговъ и нравственныхъ промаховъ кого бы то ни было, и никого не милуетъ. Жизнь и развитіе, какъ всего человѣчества, такъ и отдѣльныхъ личностей, подчиняются своимъ неизмѣннымъ законамъ, и жестоко караютъ всѣхъ нарушителей этихъ законовъ, караютъ до тѣхъ поръ, пока не возстановится нарушенное равновѣсіе. Историческая кара, какъ и кара нравственная, до того жестока, что часто бываетъ похожа на кару людскую, и такимъ образомъ, переходитъ въ месть.

— Богу угодно было наказать Россію черезъ мое окаянство, говоритъ Пугачевъ на первомъ допросѣ, когда, закованный въ колодеу, самозванецъ сидѣлъ уже передъ членами секретной слѣдственной комисіи, въ Яицѣхъ.

Пугачевъ, конечно, по своему понималъ эту кару, кото-

рую мы называемъ историческимъ возмездіемъ; но въ словахъ его уже слышится невольное сознание въ томъ, что онъ дѣйствовалъ какъ орудіе исторической мести, что еще болѣе проглядываетъ въ разговорѣ его съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, въ Симбирскѣ, куда Суворовъ привезъ въ деревянной клѣткѣ своего страшнаго плѣнника.

— Какъ ты смѣлъ, воронъ, назваться государемъ? спросилъ его Панинъ.

— Я не воронъ, а вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ, дерзко отвѣчалъ самозванецъ.

Въ этихъ словахъ предсказывалась еще горшая кара Россіи за ея историческія ошибки. Местъ должна была послѣдовать уже за Пугачевымъ, хотя, къ счастію, предсказанію самозванца не суждено было сбыться... Историческая ошибка Россіи, самая капитальная, была поправлена 19-го февраля 1861 года, почти черезъ сто лѣтъ послѣ предсказанія самозванца о новой карѣ, которая должна постигнуть Россію.

Въ особой монографіи, напечатанной нами въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1866-й годъ, подъ заглавіемъ „Пугачевщина“, мы высказали убѣжденіе, выработавшееся въ насъ ближайшимъ изученіемъ этой знаменательной эпохи, преимущественно по неизданнымъ документамъ, что Пугачевщина была не послѣдствіемъ яицкихъ смутъ и появленія самозванца и не продуктомъ какой-либо интригующей политической партіи, а естественнымъ продуктомъ всей Россіи и плодомъ ненормальнаго состоянія всего государственнаго строя. Для этого, самой исторіи смутнаго времени мы предпослали, въ видѣ введенія, по возможности обстоятельное изображеніе тогдашняго состоянія Россіи, состоянія, которое неизбѣжно должно было кончиться той или другой насильственной и весьма опасной

встряской всего государственнаго организма нашего отечества. Эта встряска и была—Пугачевщина, которую мы начертали вератцѣ, избѣгая общеизвѣстныхъ подробностей, напечатанныхъ уже у Пушкина, Шебальскаго и въ особыхъ статьяхъ и изданіяхъ, и упоминая только о томъ, что могли мы извлечь изъ имѣющихся у насъ и никому неизвѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ. Мы давали, такимъ образомъ, читателю, въ краткомъ конспектѣ, только то *новое*, что успѣла, въ послѣднее время, приобрѣсти историческая наука изъ знаменательной эпохи екатерининскихъ самозванцевъ, изъ коихъ Пугачевъ былъ не первымъ и не послѣднимъ (Степанъ Малый, Кремневъ, Богомоловъ, Ханинъ и друг.). Богатыя подробности мы отлагали до полнаго историческаго труда, который обнялъ бы собою весь циклъ самозванцевъ Петровъ Третьихъ и особенно же Пугачева.

Въ другой статьѣ, подъ заглавіемъ „Пугачевскій полковникъ Ивановъ“, мы взяли только одинъ эпизодъ изъ богатой событіями и драматизмомъ эпохи, взяли одну только личность изъ множества такъ-называемыхъ пугачевскихъ генераловъ и полковниковъ, и разработали этотъ эпизодъ съ тѣми подробностями, какія представляютъ намъ находящіеся у насъ подъ руками документы изъ эпохи екатерининскихъ самозванцевъ.

На основаніи подобныхъ же неизданныхъ документовъ, мы намѣрены теперь представить, вопервыхъ, что дѣлалось въ остальной Россіи, и особенно въ мѣстностяхъ, которымъ грозилъ ужасный пожаръ, вспыхнувшій на Яикѣ и въ окрестностяхъ Оренбурга, въ то время, когда самозванецъ уже успѣлъ покорить подъ свою власть нѣсколько генераль-губернаторствъ; какія принимались въ этихъ мѣстностяхъ мѣры къ отвра-

щенію грозившей нашему отечеству опасности, въ какомъ беззащитномъ положеніи находилось оно; вовторыхъ, какія были послѣднія и самыя страшныя вспышки этого пожара передъ его прекращеніемъ и, втретьихъ, что послужило гибелью самозванцу и всему его дѣлу. Этихъ самыхъ, впрочемъ, важныхъ сторонъ предмета, не разработывали ни Пушкинъ, ни Щербальскій, безъ сомнѣнія, потому что они не располагали тѣми матеріалами, которые намъ посчастливилось добыть. Мы рылись въ провинціальныхъ архивахъ городовъ, по которымъ прошла эта страшная гроза. Мы видѣли бумаги, которыя хватали своими окровавленными руками „сами служители сатанина внука Емельки“, и бросали ихъ въ воду и въ огонь, и которыя спаслись какимъ-то чудомъ, разнесенныя вѣтромъ или припрятанныя какимъ-либо усерднымъ подканцеляристомъ въ темномъ углу архива. Мы читали эти самыя бумаги, писанныя подъ вліяніемъ непреодолимаго ужаса, дрожащими отъ волненія руками, измятыя гдѣнибудь за пазухой у нарочнаго, проносившаго эти бумаги сквозь толпу волнующихся массъ. Мы видѣли помѣтки на этихъ бумагахъ, дѣланныя въ торопяхъ, съ обозначеніемъ часа, въ который получались страшныя вѣсти одна за другою. Мы ознакомились даже съ почеркомъ всѣхъ дѣйствовавшихъ тогда лицъ, генераловъ, полковниковъ, комендантовъ, воеводъ и губернаторовъ: смѣлый и слѣпный почеркъ Суворова, бойкій почеркъ Михельсона, каракули самаго Пугачева, старческія руки генералъ-губернаторовъ фонъ-Брандта, фонъ-Рейнсдорпа, почеркъ храбраго Бошняка, напоминающій собою почеркъ какого-нибудь безграмотнаго лавочника, почерки Цыплетева, воронежскаго губернатора Шетнева, знаменитаго графа Захара Чернышева, князя Багратио-

на, генерала Мансурова, почеркъ генерала Дюпрерадовича — почеркъ несмѣлый, женскій, почеркъ всѣхъ донскихъ атамановъ, полковниковъ, походныхъ старшинъ, изъ которыхъ каждый что-либо сдѣлалъ, чѣмъ-либо отличился — все это живьемъ встаетъ передъ вами и краснорѣчиво говоритъ о пережитыхъ этими людьми ужасахъ. Мы можемъ узнать любой почеркъ канцеляристовъ того времени, и скажемъ, изъ какой канцеляріи, воеводской, комендантской или провинціальной вышла та или другая бумага. Почеркъ Михельсона пріучилъ насъ видѣть въ бумагѣ извѣстіе о побѣдѣ, почеркъ Цыплетева говоритъ о его неутомимой дѣятельности. Все это цѣликомъ переноситъ васъ въ ту эпоху, и вы сами чувствуете эту лихорадочную дрожь, какую должны были испытывать люди, писавшіе въ то время, когда изъ оконъ канцеляріи видно было кругомъ зарево пожаровъ, пыль отъ двигающихся и бѣгущихъ массъ. Тутъ и смертные приговоры, и расчеты о томъ, сколько употреблено денегъ на покупку веревокъ для связыванія рукъ плѣнныхъ пугачевцевъ, и отчетности въ израсходованныхъ пуляхъ и порохѣ во время стычекъ съ шайбами самозванца.

Тутъ и подлинныя показанія преступниковъ, показанія, исполненныя драматическаго лаконизма, перечерченныя и исправленныя подъ диктовку самихъ преступниковъ, сообщниковъ самозванца. Тутъ и ихъ подписи, ихъ почеркъ. Есть бумаги, писанныя на измятомъ клочкѣ, сѣшно, тихонько, гдѣ-нибудь въ углу или за кустомъ, какъ, на примѣръ, извѣстіе донскихъ старшинъ объ измѣнѣ казаковъ, извѣстіе, писанное въ торопяхъ, въ ужасѣ, тайкомъ отъ казаковъ, которые могли застать старшинъ за писаньемъ и погубить ихъ всѣхъ.